

**ПРОБЛЕМА СТИЛЕВОГО ЕДИНСТВА
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО
МАТЕРИАЛА ЖУРНАЛА Н. А. НЕКРАСОВА
«ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ»
(середина 1870-х годов)**

В журнале этих лет прослеживаются глубокие связи, существовавшие между творчеством постоянных сотрудников и корреспондентов основных отделов, между художественными и публицистическими материалами.

Подчас эти связи обращают на себя внимание схожестью изображаемых фактов, лиц, обстоятельств, почерпнутых из одного жизненного источника и получивших близкие в принципиальном плане истолкования и оценки.

Представляется интересным, что постоянные хроникеры и обозреватели журнала, ведшие в эти годы под разными наименованиями внутренние обозрения, часто оценивали изображаемое со ссылками на суждения и художественные обобщения Щедрина, Некрасова, Островского, Гл. Успенского, Марко Вовчка и др. Обозреватели вводили в свои статьи рядом с реально существующими людьми персонажей художественных произведений, опубликованных в этом журнале (купец Восмибратов, Осип Дерунов, фон Руге, Кандауровский барин и т. д.)¹.

Объединяет авторов первого (художественного) отдела журнала и его «Современного обозрения» (постоянный второй отдел) обличительный пафос, направленный против стяжательских, а то и открыто хищнических устремлений, охвативших «верхние» круги русского общества. Из номера в номер на страницах «Современного обозрения» выростала выразительная в своем общем объеме и в отдельных деталях картина, рисующая сомнительные заслуги железнодорожных магнатов (фон Дервиз, Губонин, Варшавский, фон Мекк), уголовные процессы игуменьи Митрофании и «старца» Овсянникова, скандальное избрание именитого гражданина Ефимова в правление Общества взаимного кредита. На периферии этой панорамы — множество деятелей более мелкого масштаба: жульничающие адвокаты, полицейские гонители раскола. Наконец, затмившая всю злобу дня, получившая всеобщую огласку реакционнейшая теория «всесословной волости» — плод мысли титулованных защитников интересов дворянства господ Давыдова и Лобанова.

А рядом с ними в литературном отделе журнала обретали все большую степень выразительности и силу художественного обобщения новые литературные типы: Зацепин, Антихристов, Клоппенгорст, Дерунов, Добрецов, Беркутов, Уланбекова. Журнал неотступно следит за этим трагически-повседневным для

народа умножением всех видов «современников». Все эти «двигатели прогресса» ведут непрерывную экономическую борьбу, а потому люди-«простецы» «должны нести на себе все неизбежные последствия и эксцессы борьбы, мужественно выносить эксперименты всех охранителей, начиная от первичных, в роде Дерунова, и кончая стоящими на высоте охранительных начал т.г. Бланком и т. п.»².

Чем более бесцеремонными были походы этих грабительских корпораций на «карманы благодущных россиян», чем шире становилась география действий этих «адептов севера и юга», тем с бодьшим упорством искали литературные сотрудники журнала новых средств художественного обобщения этого калейдоскопа событий и лиц и тем чаще прибегали к приему сатирического обозрения. Такое обозрение представляло собой чрезвычайно широкую, свободную, ёмкую форму для отражения различных сторон и типов современной журналу общественной жизни самодержавной России.

Сатирическое обозрение допускает «свободное отношение к форме» (Щедрин), а потому благоприятствует видоизменению и переплетению различных сатирических жанров и созданию литературного сплава, вбирающего в себя и пародию, и интервью, и бытовую сцену, и мнимую исповедь отрицательного персонажа, и комический диалог.

Журналисты «Отечественных записок» в 70-х годах часто вели обзоры современной жизни в мемуарной манере, в жанрах переписки, дневника, летописи очевидца, дружеского послания, в форме интимной беседы, и всякий раз от первого лица. Это «я» не равнозначно личности автора обозрения, а принадлежит повествователю, который доверительно и как бы частным образом делится с читателями своими наблюдениями над событиями, обстоятельствами, людьми. Далеко не всегда этот рассказчик является участником событий, но он хорошо осведомлён, знаком с суждениями свидетелей, умеет сопоставлять факты. Зачастую повествователь выражает распространенное, бытующее, ходячее мнение, по которому можно достоверно представить, как в обществе отнеслись к тому или иному общественному событию, частному происшествию, скандальной истории.

Такое построение обозрения позволяет его автору (писателю) то вступать в спор с рассказчиком, то красноречиво умолчать о своем мнении, то включить в дискуссию третьих (многих) лиц, то ставить своими комментариями рассказчика в двусмысленное или смешное положение, то вводить от себя истории-отступления, призванные осветить сообщение с новой неожиданной стороны. Наибольшую изобретательность в этом смысле в публицистическом отделе обнаружил Н. К. Михайловский³, хотя успешно прибегали к этим приемам и Демерт, и Плещеев, и Елисеев, и Головачёв.

Средствами сатирического обозрения широко пользуется Н. А. Некрасов во второй части поэмы «Современники» («Отеч. зап.», 1876, № 1), где все эпизоды происходят в присутствии князя Ивана, а он в них является своеобразным наблюдателем происходящего и комментатором настоящих и прошлых «подвигов» многих персонажей поэмы. Это оказывается возможным потому, что он «свой» в среде пирующих плутократов. На *своей*-ской отношении этого титулованного барина с дельцами четырежды указано в поэме автором. И в то же время его голос не сливается с голосами «героев времени»: у него есть не только своя манера оценок всего, но и способность громогласно рассуждать о том, о чем другие предпочитают помалкивать.

Князь Иван никого не боится, ни к кому не расположен, ни перед кем не высказывает уважения, признательности. В нем незаметно ни мстительной озлобленности, у него нет даже искренней брезгливости, которая всегда характеризует отношение «человека породы» к плебею:

И все это потому, что князь Иван циник до мозга костей. Его цинизм — броня, из-за которой он выступает то мудрецом, всё видящим, всему знающим цену, то подлецом, которому сладко сбрасывать собственную маску лицемерия и срывать ее с ближних с тем, чтобы испытать «блаженство падения». Недаром автор-повествователь в самом начале второй части поэмы вводил читателя в атмосферу происходящего словами:

Теперь цинизм у них царил,
И разговор был часто страшен...

И сразу же вслед за этим, покрывая шум застолья, голос князя Ивана возвещал, что каждый из представленных тут понимает одно: «Что на пути до рудников «*Постлать соломки* не мешает!»

А он, князь, может и трогательную напутственную речь в такую дорогу произнести! Есть отчего быть веселым и словоохотливым: его каламбуры, насмешки, остроты, анекдоты, гневные филиппики — оригинальный аккомпанемент всей переключки «голосов», вырывающихся из пьяного многоголосья. Имеет смысл заметить, что из 1615 стихотворных строк этой части 286 строк вложены в уста неугомонного князя⁴.

Нашел очень своеобразные сценические средства использования сатирического обозрения и А. Н. Островский в 3-м акте комедии «Последняя жертва» («Отеч. зап.», 1878, № 1). Во всех 15 явлениях акта присутствует *Наблюдатель*, который комментирует и оценивает совершающееся на сцене с помощью Разносчика вестей, Москвича и Иногороднего. Наблюдатель — единственное лицо пьесы, которому ясен весь механизм «современной политэкономии». Этот персонаж непроницаем, не поддается житейским соблазнам, знает себе цену и, хотя не чурается слухов, но спокойно очищает их от той шелухи, которая нарастает на них от обращения в людской толпе.

Журнал Н. А. Некрасова изобразил типичные и широко распространенные в мире стяжания поиски эффективных средств словесной маскировки неблагоприятных экономических и юридических операций, изобретение ажурных риторических завес, через вуаль которых махинации дельцов казались бы «мерами по необходимости», финансовые аферы — опытами «во имя прогресса», жалкая благотворительность — актом гуманного отношения к ближнему. Демонстрируя растущее разложение нравов, журнал в то же время показывал, как тирады «пенкоснимателей» «о нравственном долге», «моральных устоях», о «человеческой совести», «защите чести» уже давно превратились в свод афоризмов, стёршихся от их циничного употребления. Такие декларации утратили былую значительность в сознании даже неухоженного читателя.

Эти позиции журнала могут быть раскрыты на сопоставительном анализе текстов комедии А. Н. Островского «Волки и овцы» («Отеч. зап.», 1875, № 11), поэмы Н. А. Некрасова «Современники» (часть 2-я «Герои времени» — «Отеч. зап.», 1876, № 1) и цикла очерков М. Е. Салтыкова-Щедрина «Благонамеренные речи» («Отеч. зап.», 1875, №№ 1, 3, 4 и др.).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ <Михайловский Н. К.> Литературные и журнальные заметки.— «Отеч. зап.», 1873, №№ 3, 4; <Скабичевский А. М.> Мысли и впечатления, навеянные текущею литературою.— Там же, № 7; <Елисеев Г. З.> Внутреннее обозрение.— «Отеч. зап.», 1875, №№ 3, 4; <Михайловский Н. К.> Из дневника и переписки Ивана Непомнящего.— Там же, № 4; <Михайловский Н. К.> Записки профана.— Там же, № 5; <Елисеев Г. З.> Внутреннее обозрение.— «Отеч. зап.», 1876, № 1.

Фамилии авторов анонимных и псевдонимных статей (выставленные в ломаных скобках) раскрыты по книге: Богград В. Журнал «Отечественные записки». 1868—1884. Указатель содержания. М., 1971.

² <Елисеев Г. З.> Внутреннее обозрение.— «Отеч. зап.», 1875, № 3, отд. II, с. 98.

³ <Михайловский Н. К.> Из дневника и переписки Ивана Непомнящего.— «Отеч. зап.», начиная с № 10 за 1874 г.; Записки профана.— С № 1 за 1875 г.; Вперемежку.— С № 1 за 1876 г.

⁴ Вопрос о композиционном принципе обозрения в русской литературе и, в частности, у Некрасова широко поставлен в кн.: Гин М. М. О своеобразии реализма Н. А. Некрасова. Петрозаводск, 1966; О композиционной роли князя Ивана в поэме «Современники» — см. там же, с. 225—227.

М. Н. Межевая

ЩЕДРИН И НЕКРАСОВ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ИЗДАНИЯ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК»

С момента появления обновленных «Отечественных записок» Щедрин становится их активным сотрудником, а вскоре и сор-